

„Повѣсть о капитанѣ Картузовѣ“ Достоевскаго

1 января 1868 года Достоевскій пишет из Женевы своей племянницѣ С. А. Ивановой о главной идеѣ задуманнаго им новаго романа («Идіот»):

«Главная мысль романа — изобразить *положительно - прекраснаго человека*. Труднѣе этого нѣтъ ничего на свѣтѣ и особенно теперь. Всѣ писатели, не только наши, но даже всѣ европейскіе, кто только брался за изображеніе положительно прекраснаго — всегда пасовали. Потому что эта задача безмѣрная. Прекрасное есть идеал, а идеал ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался...

. . . Из прекрасных лиц в литературѣ христіанской стоит всего законченнѣе Дон - Кихот; но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смѣшон. Пиквик Диккенса (безконечно слабѣйшая мысль, чѣм Дон - Кихот, но все-таки огромная) тоже смѣшон и тѣм только и берет. Является состраданіе къ осмѣянному и не знающему себѣ чѣмъ прекрасному, а стало быть является симпатія и в читателѣ. Это возбужденіе состраданія и есть тайна юмора... У меня нѣтъ ничего подобнаго, ничего рѣшительно и потому боюсь страшно, что будет положительная неудача».

В настоящее время опубликованы записныя тетради Достоевскаго, и по замѣткам и планам къ «Идіоту» можно с большой точностью возстановить процесс работы над этим романом. Автор вдумывался в образ своего героя, множество раз мѣнялъ, передѣлывал и уничтожал написанное, придумывал новые варианты фабулы, новую психологическую мотивацію, новые способы словеснаго выраженія, но лицо князя Мышкина до конца осталось для него неясным. Работа над «Идіотомъ», мучительная, упорная, со смѣнами вдохновенія и отчаянья, увлеченія и отвращенія, перебиваемая эпилептическими припадками и періодами полнаго изнеможенія, представляется нам зрѣлищем, полным трагическаго величія. Могучій творческій дух в страшном напряженіи борется за воплощеніе своей идеи «прекраснаго человека». В «Идіотѣ» Достоевскій

одержал не полную побѣду, которая для него была равносильна поражению. Князь Мышкин — *недоволощен*: он остался блѣдной тѣнью — не ангел и не человекъ, лицо «фантастическое», томящееся по «живой жизни» и чувствующее себя чужим в этом мѣрѣ.

Раздумывая над судьбой своего героя, автор вспоминалъ Дон - Кихота и Пиквика. Не в том ли причина художественной безформенности Мышкина, что он не смѣшон, что он не оживлен юмором? Не в юморѣ ли, возбуждающем любовь и состраданіе читателя, тайна воплощенія красоты?

В записных тетрадях, наполненных набросками к «Идиоту», встрѣчается подробно разработанный план «Повѣсти о капитанѣ Картузовѣ». Достоевскій составлялъ его в 1868 г. одновременно с работой над «Идиотом». Не легко разобраться в отрывистых записях, в беспорядочных замѣтках, написанных вѣтъ всякой хронологической послѣдовательности, в противорѣчащих друг другу вариантах, в загадочных словечках - намеках на ту или другую ситуацию, в отрывках діалогов, в словесных формулах, записанных в тетрадь для памяти; и все же из хаоса нагроможденных матеріалов возможно выдѣлить основную линію фабулы и возсоздать образ героя.

Капитан Картузов — духовный брат князя Мышкина. В процессѣ созиданія романа «Идиот» он выдѣлился из той же психологической «туманности», из которой был образован Мышкин. Он воплощает одну из возможностей, неосуществленных в князѣ: «прекрасный человекъ» в комическом аспектѣ, нелѣпый рыцарь, смѣшной провинціальный Дон - Кихот.

Можно предположить, что в тѣ минуты, когда «Идиот» казался Достоевскому «положительной неудачей», он в отчаяніи хватался за другую возможность изображенія «прекраснаго человека», за концепцію юмористическую. Этот путь представлялся ему болѣе легким, болѣе традиціонным; здѣсь у него были великіе предшественники: Сервантес и Диккенс. И однако повѣсть осталась неаписанной. Достоевскій скоро понял обманчивость этой кажущейся легкости: его трагическому и жестокому гению добродушіе юмора было совершенно несвойственно.

«Повѣсть о капитанѣ Картузовѣ» — исторія любви чистаго сердцем рыцаря, смѣшной разсказ о «неловком человекѣ», платоническом любовникѣ и нелѣпом поэтѣ, и вмѣстѣ с тѣм печальная повѣсть о гибели прекраснаго, осмѣяннаго и незнающаго себя цѣ-

ны. Русский Дон - Кихот тоже воин; это капитан, недавно переведенный в Ревель из какой то крѣпости. Прошлое его в туманѣ; жил он в захолустѣ, в фантастическом мѣрѣ; жизни он совсѣм, до странности, не понимает: он «как с луны свалился». Эта крѣпость, эта полу - реальная даль, из которой внезапно является Картузов, соотвѣтствует не менѣ туманной швейцарской санаторіи князя Мышкина. Оба они странные люди, чудаки, юродивые, бродящіе в этом мѣрѣ как впотьмах, завороченные своей мечтой, взрослыя дѣти с безграничной наивностью и довѣрчивостью. Картузов влюбляется в прекрасную амазонку и преклоняется перед ней, как Дон - Кихот перед Дульсинеей. Достоевскій концентрирует его отношеніе к дамѣ в одном жестѣ - символѣ: чтобы «показать почтеніе» своей избранницѣ, он при встрѣчах с ней неизмѣнно прикладывает руку к картузу — отсюда его идеологическое наименованіе: Картузов. Так возникает образ, воплощающій идею, *образ - идееносец*. Слѣдующая фаза: наполненіе образа - символа психологическим содержаніем, превращеніе типа в индивидуальный характер. Автор составляет для себя подробную характеристику героя: кажется, что он пристально вглядывается в его общія очертанія, и перед его глазами схема начинает оживать, облекаться плотью, усложняться и раскрываться в своем внутреннем разнообразіи. Послѣдній этап — построеніе фабулы — представляет для Достоевскаго наибольшія трудности. Интрига вводится исключительно как функція личности; сами по себѣ событія лишены значенія; они важны лишь поскольку они «показывают» героя. Но в личности заложены безчисленныя возможности, и реализація в жизни одной из них, цѣной уничтоженія остальных, большей частью, случайна. Достоевскій набрасывает множество вариантов, и каждый из них кажется ему необходимым для многосторонняго освѣщенія героя. Устойчивости характеристики противопоставлена неопредѣленность и расплывчатость интриги. Законченная личность погружена в туманную текучесть міра возможностей, міра пластической матеріи. По отношенію к личности закон гласит: «так и не иначе», по отношенію к фабулѣ: «или... или... или».

Задумав повѣсть, обрисовавъ главный характер и намѣтив в общих чертах развитіе фабулы, Достоевскій рѣшает для себя вопрос о стилѣ или, как он часто выражается, «о тонѣ». Как словесно будет оформлена повѣсть, кто будет вести рассказ?

Среди замѣток к Картузову мы находим такую запись: «Все кратко по пушкински, с самого начала, без психологических тонкостей, с короткими фразами. *Учиться писать*». Между набросками в «Житію великаго грѣшника» мы встрѣчаем: «*Тон. Разсказ - Житіе*, то-есть, хоть и от автора, но сжато... Сухость разсказа иногда до Жиль - Блаза». Непосредственно связанный с этими замѣтками роман «Бѣсы» автор называет хроникой. Таким образом, в 60-м годам относится не только теоретическое осознаніе Достоевским своего творчества, как *новаго реализма*, но и попытка созданія для него новой стилистической формы. вмѣсто эмоционально окрашенной исповѣди с «психологическими тонкостями» (жанр «Записок из подполья») — сухой и дѣловой стиль хроники; вмѣсто романческаго произвола — строгій канон пушкинской прозы. Автор «Преступленія и наказанія» смиренно записывает «на память»: «Учиться писать».

Планы и замѣтки к повѣсти о Картузовѣ находятся в двух записных тетрадах (№ 1/5 и № 1/4); они были опубликованы Централархивом в 1935 году («Записныя тетради Ф. М. Достоевскаго. «Academia»). Мы пытаемся расположить их по возможности в хронологической и идейной послѣдовательности, в видѣ связнаго разсказа.

«Повѣсть о капитанѣ Картузовѣ» дѣлится на двѣ части; в первой из них дѣйствіе происходит в Ревелѣ, во второй — в Петербургѣ. Разсказчик — человек «со стороны»; он ничѣм не связан со средой, в которой живет, и с обществом, его окружающим; его повѣствованіе может быть вполне объективным. Это — «хроника».

Характер Картузова будет раскрываться перед нами, главным образом, путем *самовысказыванія*, поэтому для оправданія этого приѣма «прямой рѣчи» вводится мотив дружбы героя с разсказчиком. Проблема своеобразія «личнаго стиля», отражающаго глубочайшую сущность личности, постоянно занимала Достоевскаго. В юности он долго трудился над выработкой рѣчи «бѣднаго чиновника» («Бѣдные люди», «Двойник»). Вспомним характерный «сказ» Мармеладова в «Преступленія и наказанія», напыщенную рѣчь Фомы Фомича в «Селѣ Степанчиковѣ», косноязычіе Кирилова в «Бѣсах» и «растерзанную» стилистику Федора Павловича Карамазова. Так и Картузов показан, прежде всего, в его неправильной, затрудненной, «странной» рѣчи.

Вот начало повѣсти:

«Ревель — город приморскій, в заливѣ, туда с'ѣзжаются купаться... Город нѣмецкій и имѣющій претензію быть рыцарским, что почему то очень смѣшно (хотя он и дѣйствительно был рыцарским)... Я случайно принадлежал или, точнѣе, не принадлежа, был особенно связан с маленькой кучкой офицеров по береговым постройкам. Из молодежи было нѣсколько веселых людей, но всего болѣе вниманія возбуждал тогда между нами капитан Картузов. Он был вновь опредѣлившійся, перешедшій из какой-то крѣпости... Картузов в Ревель вновь. Сдѣлал всѣм визиты... Мало по малу я замѣтил, что он довѣряет мнѣ больше других и даже замѣтил попытку на дружбу со мной».

Для «смѣшного рыцаря» Картузова найдено достойное мѣсто дѣйствія: «смѣшной» рыцарскій город Ревель. Начало повѣсти дѣйствительно звучит «по пушкински». Невольно припоминаются первыя строчки из «Выстрѣла»: офицерская среда, в центрѣ которой загадочный романтическій герой (Сильвіо — Картузов).

Далѣе идет подробная характеристика героя: «Нота - бене: комичнѣе, загадочнѣе и интереснѣе поставить с первого раза фигуру Картузова перед читателем. Всѣ хищные и романтическіе моменты при всей своей правдѣ и дѣйствительности должны быть *уловлены из природы* с комическим отгѣнком».

Итак, Картузов — романтическій герой, он генетически связан с пушкинским Сильвіо, хотя в развитіи повѣсти мотив «хищности» остался не разработанным. Романтическая загадочность его снижена «комическим отгѣнком». Его подвиги в первой части повѣсти напоминают не столько Сильвіо, сколько Грушницкаго. «Молчалив, сух, вѣжлив, наивен, довѣрчив. Вдруг изрекает мысли. Чаще молчит и краснѣет, не умѣет говорить. Цѣломудрен. Приходит, молчит, сидит, уйдет, курит. Ган - Исландец... Картузов — сумасшедшій, дикій и молчаливый человек. Самый неловкій человек, котораго я только знал. Вообще вся повѣсть могла назваться: Разсказ о неловком человекѣ... Картузов плохо говорит, не договаривает. Никогда не конфузится, очевидно не подозрѣвая себя смѣшным. Довольно дѣловой, если надо. Держит себя хорошо, строго по формѣ. Но хорошо только до нѣкоторой мѣры, пока мѣст можно молчать и не требуется ничего дѣлать. Но когда надо двигаться или заговорить, то часто себя при первом жестѣ компрометирует, а иногда откинет такое колѣно, что всѣм оно неожиданно странно и

наконец уж дѣлается смѣшно... Он был ужасно необразован. Мнѣ ужасно трудно было узнать, что он знает и чего не знает. О Пушкинѣ, стихи — краснѣл и молчал, но вѣжливо отвѣчал, если спрашивали... Я спрашивал в ужасном удивленіи: «Гдѣ вы были до сих пор, капитан (то есть, гдѣ служили, с кѣм жили и как смогли до таких лѣтъ без катастрофы дожить?) Ибо при вас-де надо няньку. Вас нельзя одних пустить». Картузов вопроса не понимает. Впрочем, сообщает равнодушно и безсвязно двѣ три черты из прежней жизни, из которых многое ужасно странно. Разговор прерывает и потом он не возобновляется».

Фигура Картузова выставлена автором дѣйствительно загадочно. Что он за человекъ, каково его прошлое? Что значат его странности? Вѣрный своему обыкновенію, Достоевскій намекает на трагическую развязку повѣсти — гибель Картузова: «Как смогли вы до таких лѣтъ *без катастрофы* дожить?» И катастрофа уже приближается.

В Ревель на купанье пріѣзжает богатая и знатная красавица Елизавета Кармазина со своим женихом графом. Картузов видит ее на прогулкѣ верхом и сначала осуждает, находит, что дѣвушка неприлично ѣздит амазонкой, но она с перваго же взгляда поражает его воображеніе. К графу он чувствует внезапную ненависть. В кружкѣ офицеров говорят о пріѣздѣ Кармазиной с женихом.

«Картузов выражается рѣзко о лакействѣ, краснѣет, молчит; говорит, что, если я уронил картуз... (ужасно сбился, недокончил и замолчал). Встал: его напирать. Кого? — графа. Я увѣрен, что он подлец. Первое мнѣніе Картузова о том, что граф должен быть подлец — совершенно без основанія, не подкрѣпленное никакими доказательствами, но высказывается до невѣроятности горячо».

Так намѣчена автором завязка повѣсти: внезапное зарожденіе любви Картузова к Кармазиной и ненависти к ея жениху. С графом он ведет себя вызывающе, «лѣзет в драку». Встрѣтившись с ним, не уступает ему дороги и сталкивается «плечо о плечо». Достоевскій повторяет здѣсь извѣстный эпизод из «Записок из подполья». Граф возмущен, Картузов торжествует. «Маленькій скандал».

Наконец, разсѣянный мечтатель попадает под лошадь «амазонки». Он встает невредимым, но этот случай рѣшает его судьбу: он влюблен. «Пламень и восторг». Кармазина присылает справиться о его здоровьи. На другой день он идет благодарить ее за

вниманіе и говорит ей: «Для такой красоты рад умереть тридцать раз»... Присутствующій при этом свиданіи граф смѣется над ним. «Это слишком много». Картузов вспылил «А вас здѣсь не спрашивают». В замѣшательствѣ разбивает чашку.

Послѣ визита к Кармазиным Картузов бѣжит к рассказчику и дѣлится с ним своими впечатлѣніями.

— Я там разбил чашку, но они навѣрно мнѣ все простят... и я... одним словом — я молодец!

— Ого, капитан!

— Оно все этот проклятый граф, тѣм болѣе, что я так деликатно высказался. Оно повидимому грубо: тридцать раз готов падать под вашу лошадь. Падать значит кувыряться, скверно, грубо и нахально; одна мысль, что порядочный человек, т. е. капитан, и еще какой капитан, летит, летит в панталонах и в эполетах и все это кувыром и еще тридцать раз по дорогѣ. Идея грубая и нелѣпая, которая может быть в послѣдней крайности допущена, но вмѣстѣ с тѣм и в высшей степени деликатная идея. Тонкая идея! Потому, за что летает, за что, спрашивается, он соглашается летать тонкую кувыролегию, хотя и кувыром верх ногами? Тут подразумѣвается такая тонкая, такая высшая мысль, что все вмѣстѣ составляет необычайную деликатность. Такую деликатность, что хотя бы и самое высшее общество, вот что! Таково мое мнѣніе! Но далѣе этот граф все испортил. В самом дѣлѣ, я вовсе не к нему приходил, что он лѣз меня прерывать и издѣваться над каждым моим словом?»

Наступает время полного блаженства для Картузова. «Первая любовь Картузова была временем его высочайшаго счастья». Он много раз заходит к Кармазиным, но его не принимают. Ему хочется чѣмнибудь «доказать свою любовь». В молчаливом и застѣнчивом человекѣ вдруг пробуждаются романтическія и даже «хищныя» чувства. Автор намѣчает разные подвиги Картузова: он стрѣляет из ружья, покупает медвѣдя и повсюду водит его за собой, собирается полетѣть на воздушном шарѣ. Капитан начинает заботиться о своей наружности, франтит, помадится. Офицеры издѣваются над ним и в его присутствіи публично обсуждают его любовь к «амазонкѣ». Однажды, чтоб подшутить над ним, они заставляют его в полной формѣ броситься в воду, увѣряя его, что одна из купальниц тонет. Картузов, «спасая красоту», торжественно выносит из воды голую женщину. Его спрашивают, осмѣлился ли бы

он прикоснуться к купальщицѣ, если бы это была Кармазина. Он отвѣчает: «Она будет купаться не так как всѣ, не из купальни, а как нибудь особенно... Навѣрно у них своя купальня обтянута бархатом». — «Да вѣдь бархат замочится», возражают ему.

Он посылает своей дамѣ любовныя письма и стихи и всѣм об этом рассказывает. Достоевскій записывает для себя подробный и тонкій анализ чувства Картузова.

«Картузов влюбляется непосредственно и вдруг таким процессом, что как будто это неминуемо, по восточному, и иначе и быть не могло. Это даже собственно не влюбленность и не любовь, а только *необходимое* и *немигнуемое* обожаніе. Началось оно с дамскаго сѣдла, буквально, и через сѣдло (т. е. через красоту) прямо приписаны ей Картузовым всѣ совершенства нравственныя и физическія до высочайшаго идеала; но в этих совершенствах идеала, раз приписав их ей, Картузов не только не сомнѣвается, но не может даже и подумать и допустить хоть краешек мысли и сомнѣній... Главное его поразило: *Амазонка*. Должно быть он мало, а может и совсѣм не видал амазонок... Это в нем не мнѣніе какое нибудь, не заключеніе, не убѣжденіе, а нѣчто вроде вѣры, вроде положительнаго факта, который до того осязаем и положителен, что не только теряет возможность составить вопрос, но даже становится незамѣтен, так, напримѣр, можно жить в домѣ, перед которым на полянѣ четыре дерева и, прожив год, не знать, сколько именно деревьев — четыре или три; или жить в Вевеѣ, любоваться горами на другом берегу озера и не знать и даже ни разу не спросить себя, а каковы очертанья этих гор. Убѣжденіе вполне Дон-Кихотовское, с той разницей, что Дон-Кихот все-таки создал себѣ *вопрос* из своего убѣжденія, иначе не нашел бы необходимости выѣхать на дорогу и защищать это убѣжденіе копьем, а Картузов не предполагает и ни разу не подумал о возможности, что кто-нибудь может не соглашаться с ея совершенством...

«Картузов, будучи на высшей степени обожанія, не находит ни малѣйшаго неприличія ни в своем обожаніи, ни в поступках своих, т. е. стихах и именно потому, что и не предполагает возможности жениться на ней, не допускает и краешка мысли о равенствѣ с нею (но что стихи от него принять можно, потому что он капитан). Так что, когда случайно об этом заходит вопрос, он спокойно, без волненія и без всякаго страданія даже разрѣшает, что он не достоин.

«Я дивился сначала, что Картузов так недѣломудрен, что несет свою любовь и страсть на обсужденіе всѣх, но я понял, что тут очень много простодушія, уваженія к другим, уваженія к высотам своей страсти, а главное — была невозможность сопоставить себя, как равнаго, полное самомиѣніе, как о низшем. Может быть и нѣкоторая досада и мщеніе на непризнававших его страсти Кармазиновых».

Так намѣчена высокая любовь русскаго Дон - Кихота: болѣе вѣтра, чѣм чувство, младенчески чистая и невинная. В грѣшном мірѣ святыня этой любви вызывает глумленіе, искажается в комическом. «Не знающее себѣ дѣны прекрасное» осуждено на гибель. Послѣ посѣщенія Кармазиновых капитан живет в мірѣ своей мечты; в их гостиной он мельком видѣл вазы и статуи — и онѣ особенно поразили его воображеніе. Он мечтает о том, что и у него будет квартира с вазами и статуями.

«Ужасно мечтателен. Нѣкоторое время приходит ко мнѣ дня два сряду с мечтами: квартира, вазы, ковры, нѣсколько дорогих картин, одна статуя: вакханка ищет землянику. И сверх того: я дѣлаю добрыя дѣла... Вдруг вопрос: почему статуи голыя?... Скажите, если вакханка ищет землянику, почему зад голый?... Вы думаете?... Я думаю, что это только заявленіе поэтической мечты и болѣе ничего»... Пришел, сѣд, молчал, спросил, встал и ушел. Курил непрерывно... Картузов, которому дѣла нѣтъ до милліонов других, в восторгѣ от ваз, картин у *ней*».

И автор прибавляет, что капитан может быть и видѣл вазы у Кармазиновых, но преувеличил, а может быть никаких ваз и не было, «все выдумал».

Наконец, Картузов приносит рассказчику свои стихи:

«О как мила она
Елизавета Кармазина,
Когда с знакомым на сѣдлѣ летает,
А докон ея с вѣтрами играет,
Или когда в церкви с матерью падает ниц
И зрится лишь румянец благоговѣйных лиц.
Тогда молюсь и трепещу и наслажденій желаю.
И ей вслѣд с матерью слезу мою посылаю».

А вот отрывок из другого стихотворенія:

«Отец с чинами в царской службѣ,
Семейный ангел жил в семьѣ...
(Отец значительный по службѣ)
Имѣл дѣтей. Но рифму я на е
Сыскать не мог, что не мѣшает нашей дружбѣ».

В письмѣ къ Кармазиной Картузов пишет:

«Вы носите имя русской славы. Нося имя русской славы, вы конечно не примѣтили обожающаго вас капитана Петра Картузова». И далѣе простодушно сообщает ей о своих надеждах и успѣхах по службѣ.

Картузов признается рассказчику, что письмо со стихами он уже отослал. Между ними происходит слѣдующій діалог:

«Я спрашиваю: развѣ он надѣется?

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, что мнѣ невозможно. Невозможно!

— Зачѣм же вы пишете в письмах туда о жалованіи, службѣ, надеждах и даже рисуете квартиру в маленьком домикѣ?

— Так. Для игры и для простодушія. Я сам знаю, что это воображеніе. Так. Но меня тѣшит воображеніе. Я поминутно мечтаю: а что кабы можно?

— Но как же посылать-то?

— А что?(Удивленіе)... Да вѣдь это все правда, я вѣдь сам поминутно мечтаю и ей надо принимать, что это одно только воображеніе.

— Но вѣдь это ей может быть непріятно?

— Не думаю.

— Но это скандал. Вы ее безславите.

— Почему? Я заявляю всѣм, что влюблен, но не из'являю претензій.

— Неприлично. Вы себя в фальшивое положеніе ставите.

— Чѣм?

— Да они вас шутом считают.

— Шуты и считают. А Елизавета Николаевна не может смѣяться в насмѣшку. Если и засмѣется, то каким нибудь божественным смѣхом. А впрочем, пусть, если б даже и в насмѣшку: вѣдь я искренне пишу. Впрочем, что мнѣ: наплевать на всѣх. Кромѣ, разумѣется, Елизаветы Николаевны. Впрочем, я увѣрен, что тут этот подлец нагадил, оттого и смѣх.

— Сами то вы зачѣм же говорите, что «пламень и восторг»?

— Да вѣдь это сильное выраженіе.

— Пусть. Будьте об'яты пламенем и восторгом, но об этом не говорят, как будто это и вам невѣдомо. Это сильнѣе.

— Почему?

— Вы точно ребенок. Вам все почему. Ну потому, что воли уж сознали, значит, в вас натуральный-то пламень уже поутих.

— Поутих. Гм. Я, встрѣчаясь, буду говорить уваженіе, т. е., что я уважаю вас одну.

— Пожалуйста не прибавляйте, что вы одному графу не будете прикладываться. Да и вообще я бы вам совѣтовал совсѣм не прикладываться и проходить мимо так.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!... Это значит, какія бы соображенія и по службѣ не наполняли голову, несмотря на то — лишь раздастся призыв — и готов Каргузов: уваженіе!»

Разсказчик не одобряет его стихов.

«Одно мнѣ кажется дурно: это «с вѣтрами». Каргузов вспыхивает:

«Только подлец может этому дать другое значеніе».

О втором стихотвореніи он говорит: «Отец — это я, муж, а о рифмѣ: это шуточный тон». И прибавляет: «Надо познакомиться с каким нибудь из поэтов».

«Заходил в Полонскому, оставил карточку. Хотя он и стоит на том, что он ничтожен и недостоин, а все же в письмѣ дѣлает предложеніе... Когда читает мнѣ: «отец на службѣ», то послѣ моих увѣщаній говорит: «Я мечтаю!» Но в то же время про брак думает. «А почему бы ей не выйти за меня? Единственно потому, что граф, но неужели она любит этого графа? Но он подлец».

«Вы хотите ее увѣдомить, что он подлец?» спрашивает разсказчик. «Задумался, хотѣл писать письмо, но потом сказал: «Это невозможно».

«Если вразумлять Каргузова, он слушает с удивленіем и потом вдруг погружается в задумчивость, в которой и потеряется... У него иногда вдруг отдѣльныя сентенціи послѣ грустнаго раздумья: «Как это люди не умѣют устроиться! Жили бы, любя друг друга, и находили бы в этом истинное счастье».

Вдруг задает вопрос: «Можно ли умереть от благородства души?»

Письма и стихи Каргузова ходят по рукам. Офицеры устраи-

вают шутовское сообщаніе о его сердечных дѣлах. «Комиссія» рѣшает, что Картузов должен похитить свою прекрасную даму. Тот слушает внимательно, но не одобряет. Разсказчик, возмущенный этой сценой, уводит капитана из собранія.

— Да вѣдь они смѣются!

— Неужели?

— Эх вы! Охота вам все высказывать! Вы как Дон - Кихот, вам дѣла нѣтъ, что дѣла хоть и замужем — вы все так вѣрно любите.

— Неужели они *так* любили! — отвѣчает Картузов.

И вдруг капитан рѣшает помириться с графом. Он идет к нему, чтобы узнать, достоин ли он своей невѣсты. Задает ему вопрос: «Любите ли вы истинно, или за деньги? Правда ли, что вы женитесь по расчету? Как же мнѣ не узнать правду, если я готов отдать все тѣло мое за малѣйшую ея выгоду».

Достоевскій намѣчает психологическую мотивацію страннаго поступка своего героя.

«Разумѣется, все, что касалось с этих пор Кармазиных, составляло для Картузова вопрос жизни и смерти и потому является идея: *охранять* Кармазину. Даже ревности в нем нѣтъ и ревностью он нимало не мучится. К графу он не ревнует нимало, но *высшее человеческое назначеніе*, забота, роль — пробуждаются в нем в вопросѣ: достоин ли граф исполнѣ?... Так что главная его забота не в том, что граф не любит (и ему соперник), но в том, что граф мало достоин ея, и чуть-ли не в том, что мало любит ее. Картузов именно хлопочет, чтобы граф не *мало*, а *много* любил ее. Помирившись с графом, он становится его трубой, трубит о его достоинствах, добродѣтелях, будущих успѣхах, богатствѣ, красотѣ, пишет обоим стихи. Наконец дружится с графом, не выходит от него, входит в его интересы и любимый его разговор с графом о графском будущем и с восторженным упоеніем мечтателя устраивать это будущее. Но Картузов, хотя и смѣшон графу своей внезапной к нему дружбой, но держит себя так просто и с таким достоинством, что граф никак не может обратить его в шута (что бы желал). Он очень умен, чтоб не понять Картузова, хоть и гадок сердцем. Когда граф его отвергает наконец грубо и в досадѣ, Картузов выходит, тихо прощая ему».

Наступает развязка первой части повѣсти. Какой то проходя-

мец появляется вечером в офицерском собраніи и рассказывает скверныя исторіи о графѣ: у него была связь с гувернанткой французенкой, которая вдруг приѣзжает в Ревель, поносит графа и увѣряет, что он ей должен шестьдесят тысяч. Защищая честь Кармазиной, Картузов отиравается к «мамзели». «Ея уморительный, серьезный и нагло - наивный рассказ». «*Figurez-vous que ce monstre barbare a surpris ma religion. Soixante mille francs...*» «Картузов вѣжливо с ней разстается, ничего не сказав, а потом в разговорѣ сухо и коротко: стерва». Тотчас же он посылает графу письмо:

«Есть разные тоны, между которыми тон подлеца всплывает иногда наверх. Я слышал этот тон подлеца, и этот тон, пока не доверю секрета бумагъ, будет раздаваться в ушах монахов. Я щажу свои уши и если в мою частную жизнь заглядывает подлец, — я ищу ушей подлеца. Человѣческое душевное спокойствіе, наблюдая ему данный удѣлъ, спит, не встревоженное посторонними обстоятельствами. Но когда просыпается, измѣняется с обстоятельствами. Изливаю все в полной откровенности. Насчет же названія подлеца, увижу, что вы сдѣлаете.

Без уваженія и обязательно для каждаго,
подписывающаго письмо

слуга П. Картузов.

Граф в бѣшенствѣ бьет Картузова хлыстом, тот вызывает его на дуэль. Граф соглашается, но капитан «ставит условіем», чтоб граф стрѣлялъ первый, а что он стрѣлять не будет. На это граф смѣется, удивляется и сердится. Картузов об'ясняет:

«Для Катерины Григорьевны *). Он — избранник. Пусть он знает, что я вполнѣ уступаю ему Катерину Григорьевну». — «Но это глупо! — восклицает граф. — Он дурак!»

Через три часа слухи о предстоящей дуэли доходят до коменданта, он арестовывает Картузова, но по просьбѣ Кармазиных и графа немедленно его выпускает.

Дуэль так и не состоялась: в тот же день «амазонка» упала с лошади и сломала себѣ ногу. «Картузов поражен, замолчал, заболѣлъ горячкой».

На этом кончается первая часть.

---

*) В набросках к «Повѣсти» Кармазина называется то Елизавет: Николаевна, то Катерина Григорьевна.

Во второй части дѣйствіе переносится в Петербург. Кармазина была больна шесть недѣль и ей отрѣзали ногу. В началѣ зимы, Картузов, выздоровѣвъ от горячки, «без волос, с еще большими впалыми глазами» прїѣзжает в Петербург. Он узналъ, что граф отъезжает жениться на хромой Кармазиной и записками требует у него объясненія. Послѣ долгих усилій, он, наконец, добивается свиданія с графом и спрашивает его:

«— Гдѣ же ваша любовь?»

Граф отвѣчает: «Вы такой же Дон - Кихот. Согласитесь сами, что я мог слишком избавить себя от объясненія с вами. Я не связан».

— Но однако-ж, объяснитесь.

— Екатерина Григорьевна сама мнѣ отказала. Она хочет в монастырь — поэзія, звон вечерняго колокола и слезы.

— Если сама, то вы, конечно, не могли противустать ея намѣреніям, но вы должны были настаивать.

— Но позвольте, вы прстив своих интересов, если заставляете меня жениться, вы бы должны радоваться, что мѣсто свободно. Вѣдь вы тоже влюблены в Катерину Григорьевну, почему вы сами не женитесь?

— Урод и т. д.

— Совсѣм нѣтъ, вы молодец.

Картузов покраснѣлъ.

— Вы подлец.

— Ну а вы — дурак. Вы опять хлыста захотѣли. Только я теперь не хлыстом, а чтобы вас залерли в сумасшедшій дом.

— Подождите, я справлюсь, связаны ли вы, или развязаны, и тогда мы встрѣтимся.

Граф его выгоняет».

Картузов отправляется к рассказчику и «развивает мысль, что ему подвергиваться при таких обстоятельствах в женихи — подлость и пошлость и граф стало быть подлец. Но мысль зрѣет; через три дня: «А почему же нѣтъ? (дѣйствительная жизнь берет свое). Сломала ногу, так и мнѣ обрадуется. Мечты и восторг. Картузов воспламеняется и дѣлает предложеніе; в письмѣ изъясняет свои генеральскія надежды и прилагает стихи о будущем счастья».

Он пишет: «С тѣх пор как меня опрокинули лошадыю, с тѣх пор наступило мое счастье (дуэль была только игра), и вдруг все

рухнуло... И к Екатеринѣ писали Державин и Сумароков, да еще как: ты высоким слогом:

«В радостной своей судьбинѣ
Ликовствуй Россія нынѣ».

К письму он прилагает стихи:

«Краса красот сломала член
И интереснѣй втрое стала
И втрое сдѣлался влюблен
Влюбленный и прежде не мало.

Исчезло все! Похоронен
Один из членов молодых,
Но я и остатками пльнен
И даже хотя бы и вовсе не было их.

Позвольте же любовь излить
Принять извольте предложеніе
Чтоб в бракъ вмѣстѣ потерянный член забыть,
А с оставшимся извѣдать законное наслажденіе».

Сдѣлав предложеніе, капитан «для тона» переѣзжает в гостиницу Лондон. В разговорѣ он замѣчает: «Гостиница Лондон; там стоят самыя значительныя лица... А есть в Петербургѣ Красный Кабачек, так там всѣ генералы и самыя значительныя из камергеров собираются.

— Н-не знаю...

— Я знаю. Это так. Потому вот и я хочу там собираться, что бы у Лизаветы Николаевны знали, что я самый свѣтскій, так сказать, с нѣкоторым богатым и барским метаніем золота на зеленое сукно».

«Намѣняя золота перед отъездом в Красный Кабачек. Ничего не нашел. Драка с половыми».

Наконец Кармазина принимает его у себя и вѣжливо отказывает. Каргузов выслушивает, задумывается и говорит: «Да, я подлец!

— Почему?

— Смысл, что воспользовался колченогим положением и осмѣлился подумать, что сам вам равен настолько, что могу сдѣлать предложеніе.

— Почему же? Почему же?

Отрывает: урод. Без роду и племени. Тетка моя чухонка у няго пастора на мызѣ жила. Говорить по человѣчески всю жизнь не умѣла.

— Это, конечно, могло служить препятствіем, но... но во-первых, капитан, об этом и рѣчи не было и я слишком, слишком прошу вас не возвращаться к этому предмету. Я отказываю не потому и т. д.

— Это он, подлец, меня научил!

— Кто?!

— Граф! Он будет у ног ваших.

— Не смѣйте. Что вы с ним хотите сдѣлать?

— На дуэль».

Она берет с него слово, что он не затѣет исторію.

В записных книжках начало второй части сохранилось в двух вариантах. Согласно второму варианту, Картузов нѣсколько раз заходит в Кармазины, его не принимают, наконец, к нему выходит управляющій и просит его прекратить посѣщенія. Капитан заявляет, что «имѣя благородное соревнованіе и честное намѣреніе», прекратить не может. «Я не перестану». Управляющій отвѣчает:

— Но, милостивый государь, мы найдем на вас удерж, мы употребим всѣ строгости. (Картузову говорят о мѣрах строгости! Ужас!).

— Но кто вы такой? Я желаю слышать отвѣтъ из самих уст Екатерины Григорьевны.

— Этого вы не услышите, а насчет того, кто такой я, то я уже об'явил вам, я в сем дѣлѣ уполномоченный и кромѣ того отправляюсь сейчас же к г. обер - полицмейстеру с настоящим изложеніем дѣла, для того, чтобы найти на вас удерж».

Картузов рѣшает предупредить полицмейстера о том, что к нему поступит жалоба. Его принимают, он рассказывает исторію своего сватовства. Полицмейстер:

«— Это очень смѣшно, что вы говорите.

Полицмейстер подумал.

— Но вѣдь вам же отказали.

— Но я не слышал отвѣта от Екатерины Григорьевны.

— Вѣроятно и не услышите. И какое вы имѣете право ожидать отвѣта из уст, как вы говорите, когда вы и не знакомы. Вѣдь вы уже получили отвѣтъ?

— Отвѣтъ не деликатный, ваше превосходительство.

— Но вѣдь и вы дѣйствовали не деликатно. Другого вы и не заслуживаете.

— Но я влюблен, ваше превосходительство.

— Гм. Влюблен! Это глупо, милостивый государь, что вы говорите.

— В первый раз слышу, ваше п-во!

— Вам отказали.

— Не вѣрю, ваше п-во! Не могу повѣрить. Я убѣжден, что тут ошибка и злоба. Меня приняли за другого.

— Странно же, что вы так самонадѣяны.

— Мнѣ очень трудно повѣрить, ваше п-во! Если благородное предложеніе, то и отказ благородный. а отказ не благородный, ваше п-во!

— От кого же злоба?

— От моих врагов, ваше п-во.

— Врагов! То-то, вы можете еще имѣть врагов!

— Почему же мнѣ не имѣть врагов, ваше п-во?

— Врагов, милостивый государь, имѣют люди почище вас, а вы что? Но позвольте, я все-таки никак не могу понять, для чего вы меня изволили беспокоить?

— Чтобы предупредить, ваше п-во. Меня хотѣли оклеветать, ваше п-во, а управляющій угрожал жалобой вашему п-ву.

— Быть может, вы чтонибудь сдѣлали кромѣ того? Натворили там, накуралесили?

— Натворили! Ваше п-во, такое выраженіе! Ничего не натворил.

— Может быть, они вас принимают просто за шалуна? Да и конечно так.

— За шалуна, ваше п-во? Краснѣю от одной мысли, ваше п-во. Не вѣрю и не хочу вѣрить.

— Мало ли что не хотите! Что вы еще написали там в письмѣ?

— Были еще стихи, ваше п-во.

— А вот, значит и оказывается. Какіе стихи?

— Верх почтительности, ваше п-во. Имѣю при себѣ экземпляр.

— Дайте... Как это на дамском сѣдлѣ летать можно? С вѣтрами? Странное выраженіе.

— Локон с вѣтрами, ваше п-во. Когда вѣтры дуют, то локон развѣвается. Это поэтическая мысль, ваше п-во.

— . . . И наслажденій желаю. Наслажденій... (скривил рот генерал). Это слишком уж откровенно.

— Но это поэзія, ваше п-во. В поэзіи позволительно, ваше п-во!

— На службѣ, милостивый государь, нѣтъ поэзіи. На службѣ надо служить, а не поэтизировать. Ну, батюшка, вы таки... (смѣется. Вдруг засмѣялся и Картузов).

Генерал нахмурился.

— Чего вы смѣтаетесь, милостивый государь? Чего вы ослабляетесь? Вам слѣдует не смѣяться, а краснѣть, милостивый государь, краснѣть! Каких наслажденій вам вдруг захотѣлось?

— Поэтическая мысль, ваше п-во, в поэзіи позволительно.

— Вздор, милостивый государь, вздор! И в поэзіи не позволительно неблагопристойности.

— Неблагопристойности! Ваше п-во! — вспыхнул Картузов.

— И так безстыдно, могу даже сказать, безсовѣстно выражаете вашу мысль! Имѣли ли вы *до брака* какое нибудь право?»

На этом второй вариант обрывается. Возвратимся к первому. Послѣ свиданія с Кармазиной капитан идет к графу и объявляет ему: «Я убѣдился, что она вас любит и вы должны жениться». Граф его гонит, Картузов дает ему пощечину. Его арестуют и по настоянію графа помѣщают на испытаніе в госпиталь. Автор прибавляет: «Сумасшествіе по интригѣ графа, но и в самом дѣлѣ».

«Картузов звал обер-полицмейстера в госпиталь, хотѣл открыть заговор. Колпак — и ни малѣйшаго смущенія, а напротив, вид какого-то торжества. Спокойный и саркастическій тон, твердый взгляд. Пьет чай».

Разсказчик навѣщает Картузова в сумасшедшем домѣ и бесѣдует с ним. Капитан говорит:

«Я нахожу, что многое очень странно». Задумался и стал говорить об инженерных торгах, лѣсѣ, выдѣлкѣ кирпича».

Разсказчик спрашивает его:

«— Так неужели же вы бы графу уступили?»

— Гм. Граф — подлец, но граф представительен. У вѣнца они вдвоем составили бы фигуру, прелестную картинку. Что же дѣлать, коли кромѣ графа никого не было. Ну а я... я... я бы конфеты на свадьбѣ разносил и, повѣрьте, что больше бы ничего не желал. Я бы ѣздил в санях с медвѣдем».

И автор записывает:

«*Главное.* Картузов сходит с ума от одной мысли, что осмѣлился поддаться графу и сдѣлать ей предложеніе в несчастіи. Считает себя подлецом. Его *буквально* убивает мысль, что он ее обидѣл тѣм, что, воспользовавшись ея положеніем, *приравнял* ее себѣ. Он настаивает на том, что она — *идеал*.

«Его очевидно поразила деревяшка. Он не мог переварить состраданія. Один раз вскрикнул: «Вѣдь она чуть не вышла за меня, я вѣдь это видѣл! Каково униженіе, каково паденіе! Боже мой! Боже мой! вѣдь она выходила ко мнѣ, может, сама с собой на умѣ! А нельзя ли, дескать, хоть за этого выйти. Каково это видѣть мнѣ! Каково сердцу! И я тут сижу! И я почти причиной. И наконец эта деревяшка: тук! тук! тук! забыть не могу. Этакій стебель, этакая лилія... И на дамском сѣдлѣ...»

Можно предположить, что именно в больницѣ Картузов пишет свое послѣднее стихотвореніе «Таракан».

Жил на свѣтѣ таракан,
Таракан от дѣтства,
Но зато попал в стакан,
(Получив наслѣдство)
Полный мухоѣдства.
Мѣсто занял таракан,
Мухи возроптали,
Тѣсен стал теперь стакан,
Разом закричали.
Но пока у них шел крик
Подошел Нивифор,
Вѣрно, умный был старик...

Картузов комментирует:

«Тут я остановился; одним словом, он их всѣх взял да и выплюскал в ушат, это было правильно и тѣм дѣло и кончилось». «Тут он задумался, но не очень, а как бывало: приложила руку к глазам

и потом спокойно, но довольно важно поглядѣл на меня, думая со-всѣм о другом и даже может быть позабыв стихотвореніе. Вообще он глядѣл, точно оглядывал.

— Что же, какой же смысл стихов? — спросил было я.

— Гм. А? Что? Какой смысл? сатира, басня, *ничтожное зве-но*, — произнес он вяло, но снисходительно и как бы совершенно уже едва припомнив про стихотвореніе. Он даже откинул листок в сторону.

— . . . Я хотѣл было тут сказать: получив наслѣдство, собственно так, для остроты, но так как тараканы не получают наслѣдства, то я предпочел написать: полный мухоѣдства.

— Ну, а что значит мухоѣдство?

— Когда стол нечист, то мухи льнут и падают, происходит мухоѣдство.

— Я не понял, как же это таракан от дѣтства?

— От дѣтства, т. е. от самых пеленок, или лучше сказать, от рожденія...

— Кто может изобразить Никифора? Правительство?

— Тут не правительство, а недоразумѣніе.

— Недоразумѣніе?

— Недоразумѣніе, во всем недоразумѣніе. Так надо Богу. А мы должны боготворить. Россія есть недоразумѣніе, или, лучше сказать — игра природы. Вся Россія есть игра природы. Никифор тоже игра природы. В Никифорѣ я изобразил природу... Замѣчу еще одно: таракан не ропщет...

— Выдерживает характер?

Картузов строго посмотрѣл на меня.

— В лохани не выдерживают характера. Впрочем, мы, может быть, желаете еще чаю?

— Нѣт, благодарю вас.

— И я вас благодарю».

На четвертый день Картузов умер.

«Жаждавшій успѣха в любви и, так сказать, брачных наслажденій (если уж надо упомянуть это слово) — но вот он лежит передо мной с протянутыми голыми ногами в мозолях... Так что это долго и потом представлялось. Я отнюдь не литератор и поэт, прежде всего не поэт, но мнѣ многое страшно в Петербургѣ. Конечно, все это болѣе было в юности, в вѣк неопытности и впечатлѣній, но, несмотря на лѣта, все-таки иногда...»

И автор составляет «надгробное слово Картузову»:

«Будь он образован — он стал бы революционером. Совѣстью чистый фанатик».

Из всѣх неосуществленных замыслов Достоевскаго план повѣсти о Картузовѣ наиболѣе разработан. Записаны большіе куски текста, длинныя діалоги, подробныя характеристики. Несомнѣнно автор придавал большое значеніе этому произведенію и напряженно над ним трудился. Работа над «Идіотом» отвлекла его от Картузова, потом возникли новые замыслы и к повѣсти он ужь больше не возвращался. Возможно и то, что образ Картузова не вполнѣ его удовлетворял. Стихи, приписанные автором благородному рыцарю, были не только нелѣпы, но и грубовато циничны. вмѣсто добродушнаго юмора в стилѣ Диккенса получилась мрачная и тяжелая иронія. И все же эта незаконченная повѣсть кажется нам художественно очень значительной. Она искусно построена и дает новое раскрытіе излюбленнаго Достоевским типа «мечтателя». Любовь — вѣра русскаго Дон - Кихота, его смиренное и пламенное служеніе «идеалу красоты», его гибель от сознанія своего преступленія против «святыни», его пониманіе «высшаго назначенія человѣка», как полнаго самопожертвованія — все это придает образу влюбленнаго капитана черты глубокой духовности и человѣчности. Картузов остался в лимбѣ неродившихся душ, уступив свое право на жизнь брату по духу — князю Мышкину. Но Мышкин «смѣнив, не замѣнил его».

Через два года послѣ составленія плана «Повѣсти» Достоевскій начал писать «Бѣсы». Неиспользованныя замѣтки не были забыты; часть из них в переработанном видѣ вошла в новый роман. Прежде всего — «тон»: «Бѣсы» написаны в формѣ такой же «хроники» как и «Повѣсть» — рассказ ведет «незаинтересованное лицо». В «Повѣсти» рассказчик не принадлежит к офицерской средѣ и только связан личной дружбой с Картузовым; в «Бѣсах» он — постороннее лицо в городѣ и дружит только со Степаном Трофимовичем Верховенским. В «прекрасной амазонкѣ» Елизаветѣ Николаевнѣ (или Екатериѣ Григорьевнѣ) Кармазиной и ея спутникѣ — женихѣ не трудно отгадать Елизавету Николаевну Тупину, раз'ѣзжающую верхом в сопровожденіи жениха Маврикія

Николаевича. Письмо Картузова графу, в котором он называет того подлецом, пощечина, вызов на дуэль и заявленіе, что стрѣлять не будет, соотвѣтствуют в «Бѣсах» вызывающему письму Гаганова Ставрогину («Ваша битая рожа»), вызову на дуэль Ставрогина, его трем выстрѣлам в воздух и пощечинѣ, которую Шатов дает Ставрогину. Хромая Кармазина напоминает хромоножку Марію Тимофеевну. И в «Повѣсти» и в «Бѣсах» встрѣчается мотив женитьбы из состраданія. Картузов является к графу и заявляет ему: «Я убѣдился, что она вас любит и вы должны на ней жениться». В «Бѣсах» влюбленный в Лизу Маврикій Николаевич приходит к Ставрогину с тѣм же предложеніем. Наконец образ Картузова генетически связан с двумя персонами в «Бѣсах». Скромный, красивый, молчаливый и вѣрный рыцарь Маврикій Николаевич, самоотверженно любящій Лизу, унаслѣдовал от капитана свое романтическое донкихотство. Его фигура обрисована немногими простыми чертами на втором планѣ романа. Он как бы блѣдная тѣнь, отбрасываемая Картузовым на страницы «Бѣсов». Главным же наслѣдником ревельскаго капитана является другой капитан — Игнат Лебядкин. На первый взгляд кажется невѣроятным это превращеніе «чистаго сердцем» рыцаря в пьянаго шута и шантажиста. А между тѣм это так: по загадочной діалектикѣ идей, лицо, первоначально задуманное автором, как воплощеніе «прекраснаго человѣка», снижается до отвратительной карикатуры, до маски грязнаго приживальщика, брата хромоножки Маріи Тимофеевны. Это лицо очерчено злобно - саркастически и включено в легион бѣсов, которыми предводительствует Петр Верховенскій.

Что побудило Достоевскаго приписать одному из бѣсов своего новаго романа двѣ характерныя черты Картузова: влюбленность в «амазонку» и сочиненіе нелѣпых стихов? Нам кажется, что срѣз из возвышеннаго в низменное произошел именно на почвѣ стихотворнаго матеріала. Никакой «безграмотностью» и «наивностью» нельзя было оправдать поэзію Картузова: его стихи не только нелѣпы, но дичины и пошлы. Развѣ цѣломудренный рыцарь Картузов, преклонявшійся пред своей дамой, как перед недостижимым идеалом, мог быть автором таких стихков?

И с другой стороны, развѣ в этом пьяном и грубом косноязычій не заключался уже *словесный образ* капитана Лебядкина? В «Повѣсти» рассказчик убѣждает Картузова не говорить всѣм и каждому о своих сердечных дѣлах: «Они вас шутом считают», ---

прибавляет он. Из рыцаря, *кажуцегося шутом*, вырастает *настоящій шут* — Лебядкин.

Картузов сначала критикует «амазонку» Елизавету Николаевну и потом внезапно в нее влюбляется; Лебядкин — тоже. Липутин говорит о нем: «Влюблен, влюблен, как кошка, а знаете ли, что началось вѣдь с ненависти. Он до того сперва возненавидѣл Елизавету Николаевну за то, что она ѣздит верхом, что чуть не ругал ее вслух на улицѣ, да и ругал же!... И вдруг сегодня стихи! Знаете ли, что он хочет рискнуть предложеніе? Серьезно, серьезно!» Лебядкин посылает стихи «Звѣздѣ - амазонкѣ» и письмо «Совершенству дѣвницы Тушиной», в которое цѣликом переходит уже известное нам стихотвореніе Картузова:

«О как мила она
Елизавета Кармазина»

с замѣною «Кармазина» — «Тушина».

От другого произведенія Картузова «Краса красот сломала член» в «Бѣсах» сохранилась только первая строфа. В бесѣдѣ с Ставрогским Лебядкин об'ясняет происхождение этих стихов. В его рассказѣ мы находим не только краткое изложеніе идеи «Поэзѣсти о капитанѣ Картузовѣ», но и характернѣйшія выраженія ревелскаго героя. Достоевскій пародирует себя самого. Лебядкин говорит: «В случаѣ, если бы она сломала ногу», то есть в случаѣ верховой ѣзды... Однажды был поражен, проходя, при встрѣчѣ с наѣздницей и задал матеріальный вопрос: «Что бы тогда было?» — то есть в случаѣ. Дѣло ясное: всѣ искатели на попятный, всѣ женихи прочь, морген фри, нос утри, один поэт остался бы вѣрен с раздавленным в груди сердцем. Николай Всеволодович, даже вошь и та могла бы быть влюблена и той не запрещено законами. И однако же особа была обижена и письмом и стихами. Да вы, говорят, разсердились, так ли-с? это прискорбно: не хотѣл даже вѣрить. Ну, кому бы я мог повредить одним воображеніем?»

Наконец, третье стихотвореніе Картузова «Таракан» тоже переходит к Лебядкину. Его комментаріи к собственным стихам довольно точно воспроизводят авторскія замѣчанія ревелскаго капитана. Прочитав первую строку, Лебядкин поясняет: «То есть, когда лѣтом в стакан налѣзут мухи, то происходит мухоѣдство, всакій дурак поймет». Кончив чтеніе, он прибавляет: «Тут у меня еще

не dokonчено, но все равно, словами: Никифор берет стакан и, несмотря на крик, выплескивает в лахань всю комедию, и мух и таракана, что давно надо было сдѣлать. Но замѣйте, замѣйте, сударыня, таракан не рошчет!... Что же касается до Никифора, то он изображает природу».

Картузов, влюбившись, начинает франтить и мечтает о «свѣтскости». Лебядкин кричит: «Попимаешь ли ты, осел, что я влюблен; я фрак купил, посмотри: фрак любви, пятнадцать цѣлковых; капитанская любовь требует свѣтских приличій».

Слабые отблески рыцарства Картузова падают на Лебядкина; нѣкоторые из афоризмов перваго переходят ко второму. Лебядкин говорит: «Передай, что я *рыцарь* чести»; «Есть минуты *благая-а-роднаго* лица»; «Можно ли умереть единственно от *благородства* своей души?»; «По моему Россія есть игра природы, не бо-*лѣ!*»; «Ваши великолѣпнѣйшіе чертоги могли бы принадлежать *благороднѣйшему* из лиц»; «Трезвость, уединеніе и нищета — обѣтъ древних *рыцарей*».

Художественное значеніе идеологических построеній и стилистических приѣмов Достоевскаго всегда двойственно: за спиной «рыцаря» стоит пародирующій его шут, за плечами богоскателя гримасничает его «золотушный бѣсенок с насморком». Фигурой Лебядкина Достоевскій как будто мстит себѣ за неосуществленную мечту о «прекрасном человѣкѣ».

К. Мочульскій